

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ

Все пройдет, все уйдет,
только боль остается,
Сердце ранит вопрос,
чья же все-таки это вина?
Нет неправых среди тех,
кто в свой дом никогда не вернется...

Из "афганской" песни

24 июня 1989 года в Вологде открывали памятник погибшим воинам-интернационалистам. Был готов фундамент. И горестный список уже выбили на черном карельском граните. Но имени рядового Николая Брагина, погибшего в Афганистане 4 сентября 1985 года, на граните не было.

* * *

...На мартовском насте не видно следов. Но если провалишься – то по грудь, почти до промерзшей земли. Я долго шел эти полтора километра. “По правую руку – храм, по левую – Колина могилка, – вспоминал я наставления Колиной бабушки Анны Степановны, – но нынче не дойти туда, снега в поле полно, зима была снежная...”

...Взорванный в конце тридцатых храм был отличным ориентиром, я шел на него. Назло своим губителям храм возвышается над всей округой, подпирает низкое северное небо единственной уцелевшей стеной. Кажется, что взорвали его только вчера. С остатков росписи смотрят глаза какого-то святого – чистые и ясные. “Кому храм-то наш мешал?.. А теперь и помолиться за Коленьку негде и душе его приткнуться места нет...” – жаловалась мне на прощанье Анна Степановна.

На этом погосте хоронили еще в прошлом веке. Вот поросший мхом деревянный крест, вот звездочка над могилой умершего в 46-м году фронтовика, а за ней – Колина железная звезда. Под звездой – его лицо в стандартном кладбищенском овале. Две даты: 1966–1985. И все. Погиб, умер, попал под трамвай – что случилось с этим парнишкой – думай сам, случайный прохожий. Впрочем,

случайный здесь не ходит. Весной, когда разливается Сухона, из областного центра сюда можно добраться только на вертолете. Чужих нет, а свои, деревенские, знают: лежит под звездой наш парень, кияжихинский, родной. Он погиб в далеком Афгане, и что б там ни говорили, а имя его – доброе. Таким и помнить будем – добрым...

Недовольный задержкой водитель все пытал меня на обратной дороге: зачем тащился на кладбище? Только чтобы на могилку посмотреть? Так этому и на слово поверить можно, куда она, могила, денется? Поклониться? Так зачем ему твой поклон? Ты не сват ему и не брат.

Я стягивал мокрые сапоги и чего-то пытался объяснить. Скорее себе, чем шоферу. Так пока выходит, что Колина могилка – это единственная зарубка о нем на земле, последняя мета. В списках нет, писем не осталось, друзья-однополчане за четыре года ни разу в Княжихе не объявились, ни строчки – ни полстрочки родителям не написали.

Можно вычеркнуть имя из всех списков, но от могилы под железной звездочкой никуда не денешься. Есть она. Значит, жил на свете Коля Брагин. И должен был жить долго. Гены ему от предков достались хорошие. Только война могла его вырвать из жизни с корнем, только война...

Что она с ним сделала? В военкомате – одна версия, у родных – другая, по селу ходит третья... Что это – ложь во спасение? Но кого спасали 6 сентября 1985 года*, когда Колю было уже не вернуть? От чего спасали?...

Фаина Ивановна Брагина, мать Коли:

– Утром пятерых собираю в школу, а они в темноте как котята слепые... Коля учился хорошо. Выучился на тракториста широкого профиля. Трактор ему, правда, дали худенький. Поработал летом немного. Как-то приходит: “Ну, мама, берут меня, доставай побольше водки”. Она еще тогда свободно была...

Из письма Галины Новожиловой, старшей сестры Коли, от 30 марта 1989 года: “Осенью, когда Колю призывали в армию, он был здесь, в Вологде, и в первую же ночь его отпустили ко мне в общежитие ночевать. Сказал, что их отправят, наверное, в Германию. Потом их проверяли, и у него показало большое давление, его

---

* Дата приказа № 249 по воинской части, в которой служил Н. Брагин. В приказе отмечено, что “его смерть не связана с выполнением военной службы”, дано распоряжение “из списков исключить, тело для захоронения направить в Тотемский район”. – *Примеч. сост.*

положили в больницу. Он пролежал неделю в больнице, и его отправили домой. Потом через недолго ему снова пришла повестка, и опять из Тотьмы его вернули, сказали, что возьмем весной... Да, девушка, с которой он дружил до армии, она вологодская, работала у нас учительницей. Фамилию ее не знаю, она на фотографии есть – сидит около лейтенанта Александрова. Он спрашивал у нее тоже письма, но она сказала ему, что все письма сожгла... откуда вы узнали об этой истории, ведь уже прошло столько времени? Если что узнаете, сообщите, пожалуйста”.

Фанна Ивановна Брагина:

– Как сейчас помню тот день. Нас тогда на льну во семьдесят старух работало. Вдруг слышу, говорят: “Везут!..”, а по дороге все машины встали и плачут, плачут... Гроб еле трактором довели – триста килограммов, осень, дороги развезло. С музыкой хоронили, весь колхоз не работал.

Анна Степановна Брагина:

– На похоронах был тотемский военком, два солдата стреляли. Один все не мог выстрелить, руки дрожали, плакал. Военком его пропесочивал сильно... Памятник братья сами сварили со звездочкой, а за оградкой матка к военкому ходила, сорок один рубль заплатила. А памятника каменного, говорят, Коле не положено. Простой он был солдат, рядовой.

Фанна Ивановна Брагина:

– Лейтенант, что привез Колю, сказал нам одно: погиб Коля на бензовозе. Водил машину “Урал”, она и взорвалась. Потом он к нам снова приехал, письма взял посмотреть, сказал: хочу разобраться, верну... Так и не осталось у меня ни единого письма от Коли. Только вот эта бумага. А лейтенант так и сгинул с письмами.

Из письма Галины Новожиловой от 22 марта 1989 года:

“Писем от Коли было немного, пять месяцев всего и послужил-то. Писал, что у него все хорошо, что изменений никаких нет, привыкаем к службе. Что у них там, где служит, не стреляют. Вы спрашиваете, хотел ли он служить в армии? Да, он хотел служить. Когда его вернули первый раз, он так переживал. Мы не знали, что его отправят в Афганистан, но знали, что за границу, и радовались вместе с ним. Из наших мест редко кто служит за границей... Друзей у него было много. Первым он никогда не обидит, а если его обидят, то за себя и за друга постойт, сильный был. У нас Толик, старший брат, например,

может сам завестись, а он — нет... Я его вспыльчивым не видела. Пока в Вологде жила, он все с Валентиной, младшей сестрой, секретничал, и все с ней, я приеду в отпуск — он все со мной. Чего не попросишь — все сделает, вместе все время в клуб ходили. Очень любил маму, никогда не давал в обиду. Когда учился в городе, мама чего попросит, все купит, привезет. Каким я его знала, так очень трудно предположить, что могло его заставить *это* сделать? Из-за девчонки он бы *этого* не сделал, тем более она у него была не первая. Он с первой долго дружил, потом поругались. Так что эта версия отпадает. Из-за трусости? Так он трусом никогда не был. Но ведь что-то случилось!..”

Анна Степановна Брагина:

— Пришел недавно прапорщик Романов, спрашивает: “Дает ли колхоз помощь, в чем нуждаетесь?” Матка заплакала: “Да ничего, говорит, не нужно, только памятник изладьте...”

Прапорщика послал к Брагиным тотемский военком, тот самый, что был на похоронах в восемьдесят пятом. День, когда привезли Колю, у него все перед глазами стоит. Не забыть военкому, как пришел к нему старший лейтенант с серым лицом и сидел вот здесь, перед ним, не поднимая головы, говорил, что привез семь гробов и ему еще надо с ними дальше на Север ехать, на Архангельск. Военком понял, к чему это он. Это значит, что лейтенант первым к матери погибшего не поедет и правды он не скажет. Ни ему, ни матери, никому. Что ему, военкому, с такой бедой делать?..

— Я мог сделать только одно, — вспоминает он, — все как у всех, честь по чести. Музыка, салют, в общем, с воинскими почестями. На свой страх и риск, учтите... А памятник — где я возьму на него деньги. Не дали на Брагина денег.

‘Я спросил военкома, что это за смерть такая, “не связанная с исполнением обязанностей военной службы?”

— Всякое могло быть...

“Смерть не связана...” Вот так, одним приказом сняли ответственность за все, что было, и все, что будет. За дрожащие руки отца, за железную “тумбочку” на могиле, за то, что льготы для матерей павших афганцев на Фаину Ивановну не распространяются. Государство освободили от заботы, нас освободили от боли, односельчан и однополчан — от памяти. Одна индульгенция на всех.

Вот мы уже и пленных простили и даже тем, кто на Западе остался, сказали: возвращайтесь, ребята, никто на вас зла не держит. А как же Коля и такие, как он? Как же те, чья “смерть не связана...”? Ведь они уже ничего нам не могут доказать. Смерть – искупление всего и вся. Что же мы еще хотим от Коли Брагина?

На миру, говорят, и смерть красна. А что если не на миру? Без свидетелей, страшно, нелепо? Как в сорок втором на Новгородчине под Мясным Бором? Кто тогда перед кем в долгу? Что бы там ни было, Родина должна помнить каждого солдата, которого она послала под пули. Никто не вправе решать за народ, кого помнить, а кого забыть.

На прощанье я спросил у Колиной матери: “Неужели за эти годы так никого из “афганцев” у вас не было?” Она покачала головой, потом вдруг вспомнила:

– Приезжал один парень с агитбригадой, выступали они в клубе. Он вышел на сцену и так сказал: “Товарищи, разрешите спеть песню о Коле Брагине”. Тут все бабы и заплакали сразу. Сама не была, люди рассказывали. А имени никто не спросил. Может, он и был “афганец”?..

Д. Шеваров